

ПУШКАРИ I. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЕЛЕНИЯ

Беляева В.И.

During long-term excavations of the Upper Paleolithic site of Pushkari I, a new dwelling complex was discovered. Clean-cut borders of the cultural layer and obvious connection of main objects permit the complex to be treated as a separate unit from that excavated by P.I. Boriskovski during 1937-1939. The vital activity zone (over 100 m²) includes a round dwelling, external hearth, production areas and places for debitage discard, all belonging to the same microstratigraphic layer. The main principle of site structure is contraposition of hearths and production areas, hearths and places of debitage and charcoal discard. The study carried gave a new opportunity for re-estimation of the well-known complex of Pushkari I with a three-part dwelling.

Исследования стоянки Пушкари 1 показали, что мы имеем дело с новым и самостоятельным участком палеолитического поселения, раскопки которого были начаты еще в 30 годы [Борисковский, 1953].

Раскопки последних лет (1981-1997) позволили вскрыть его площадь полностью (рис. 1) и накопить документацию, необходимую для выделения археологических структур определяемых как "поселение" и "жилище". Понятие "поселение" широко используется в археологии палеолита, но не имеет четкого критерия. Часто им заменяется термин "стоянка", в том случае, если на последней имеются остатки жилых сооружений или другие крупные объекты. В употреблении термина очевиден уровень реконструкции, который также невятно отличает англоязычный термин "site" (стоянка) от "settlement" или "open-air settlement" (поселение, поселение открытого типа) [Hahn, 1987]. В отечественной литературе понятие "поселение" в качестве поверхности обитания подразумевает существование условных, размытых границ и огромной площади распространения культурных остатков. Единичные находки на отдаленных участках позволяли расширять предполагаемые размеры поселения на 30-50 тыс. кв. м. [Воеводский, 1948; Борисковский, 1953]. В этой ситуации основным предметом исследования стало жилище, имеющее более четкую структуру, очевидные границы и обзримую для раскопок площадь. Без намеков на остатки жилища стоянка представлялась, в известной мере, ущербной, в то время как поверхность поселения почти не реконструировалась. Начиная с 30-х годов, жилище становится главным объектом реконструкции жилого пространства стоянки. Открытие первых жилищ совпало с периодом активных реконструкций социальной организации первобытного общества. В сложившейся ситуации археологические факты не всегда имели само-

стоятельное значение и часто служили дополнением к социальным теориям.

В 30-е годы большая часть известных верхнепалеолитических стоянок Русской равнины была раскопана только в пределах пространства жилищ. Исключением оказались костенковско-авдеевские площадки, где, согласно реконструкции П.П. Ефименко, жилое пространство жилища и поселения совмещалось [Ефименко, 1957].

Палеолитические жилища не имеют однозначного определения, их классификации построены на основе описания групп конкретных памятников [Рогачев, 1964, 1970; Борисковский, 1958]. Полевые исследования часто определяют остатки жилища как особым образом организованный в ограниченном пространстве и объеме культурный слой. Однако система основных его объектов определялась, по существу, только в двумерном пространстве пола. Отмечалась симметрия ям, цепочки очагов, которые были заключены в предполагаемые границы жилищ. Множество объектов и обширность предполагаемого жилого пространства оказались самодостаточными критериями для выделения жилища в верхнем слое Костёнок 1. Родовая группа требовала размещения в едином пространстве и постепенно признаки многокамерности длинных жилищ, типа Александровки и Пушкарей 1, отступили на второй план в археологических описаниях [Рогачев, 1970]. При социальной доминанте анализа жилищ ещё более не нужной, не существенной представлялась территория поселения вне границ жилища. Таким образом, последние оказались в большей или меньшей степени "вынутыми" из цельного контекста среды обитания.

Шагом вперед в исследовании поселений верхнего палеолита явились работы украинских археологов на памятниках бассейна Днепра [Пидопличко, 1969, 1976; Шовкопляс, 1965,

1972]. Вскрытые повторяющиеся крупные объекты вне пространства жилищ позволили описать структурные единицы поселения как сложные, территориально ограниченные системные образования, так называемые "хозяйственно-бытовые комплексы". Многочисленные и разнообразные объекты Мезина, Межиричей, Добраничевки требовали какой-то смысловой оценки, которая производилась бы с точки зрения их функции, хозяйственного назначения. Определения или скорее описания отдельных функциональных участков поселения ("точек", "топталище") явились предтечей возникшего в 70-е годы планиграфического анализа культурного слоя. Известная работа С.Н. Бибикова [1966] по определению численного состава "очажной" группы привела к возникновению важного исходного понятия "наименьшего жилого пространства" [Григорьев, 1974, Гладких, 1977]. Статья С.Н. Бибикова появилась на 20 лет раньше исследований, вооруженных методическими разработками современной американской антропологической школы [Soffer, 1985; Соффер, 1993].

Произведенная И.Г. Пидопличко реконструкция жилищ Мезина и Межиричей исходила из тех же конкретно-исторических, конкретно-средовых направлений исследования. Тезис Игоря Григорьевича о том, что "изучение позднепалеолитических жилищ переносит нас из области историко-археологических проблем в область климатологии, почвоведения, фаунистики и флористики", высказанный им 30 лет назад [Пидопличко, 1969, с.14], представляется чрезвычайно актуальным в свете современных представлений о сезонности и способах деятельности на поселениях [Соффер, 1993; Oliva, 1987].

Уровень описания и анализа поселения может быть разным, однако включает, как минимум, две исходные археологические позиции - определенность границ распространения культурного слоя и композиционную связанность его объектов. Благодаря раскопкам стоянки Пушкари 1, мы имеем материал, необходимый для исходной характеристики поселения (описание культурного слоя стоянки, его геологостратиграфическая оценка дана в статьях "Пушкаревского археологического сборника", СПб, 1997). Остановимся на основных моментах анализа.

Центральными объектами культурного слоя нового участка стоянки являются овальная **жилая западина** на восточной оконечности раскопа и **внешний очаг** на противоположной, западной его стороне. (рис.2) Оба находились в 6.5 метрах друг от друга в нижнем горизонте насы-

щенного кремнем и окрашенного культурного слоя. Толщина горизонта не превышала 5 см. Очаг и жилая западина, площадью около 16 кв. м., служили центрами для групп меньших объектов - ям, скоплений и т. д. Особенно четкую композицию составил внешний очаг (размеры 96x108 см., мощность не более 10 см). "Зона горения" объединяла ямки по краям линзы очага, на бортах и дне. Группа ям (от 12 до 15) находилась в полуметре от очага и окружала его полукругом. [Беляева, 1995; 1997, с.5-18; Паненкова, 1997, с.35-43]. Мощное углисто-кремнистое скопление ограничивало очажный комплекс с северо-востока, культурный слой за ним почти обрывался. Статистический анализ кремневого инвентаря (более 5 тыс. экз.) дал основание для оценки этого скопления в качестве места выброса ("выброс") технологического мусора [Моисеев, 1997, с.50].

Композиционное построение восточной группы с жилой западиной более сложно и не совсем понятно. Западина по размерам и заполнению повторяет одну из секций длинного трехочажного жилища из раскопа II П.И. Борисковского. Ямы со вкопанными крупными костями мамонта составляют внутреннее и внешнее окружение (рис.5, 6). Небольшие ямки с редким кремневым заполнением и предметами из кости сосредоточены в центральной части западины. Группа подобных ямок находится также на небольшой площадке (4.5 кв. м.) за восточной границей жилища. Два крупных скопления противостоят друг другу по разные стороны жилой западины: скопление кремня находится в метре к юго-востоку, от неё, углисто-кремнистое скопление примыкает к ней с севера. Здесь, также как у внешнего очага, северное и северо-восточное пространство становилось пустым сразу за углистым скоплением. Статистический анализ кремней юго-восточного скопления (1031 экз.) дал основание для его оценки как места "раскалывания нуклеусов и производства заготовок" [Моисеев, 1997, с.50]. Северное углисто-кремнистое скопление статистически не обрабатывалось, однако оно имеет большое сходство с "выбросом" возле внешнего очага и предварительно определяется нами в таком же качестве.

Границы предполагаемого участка поселения определяются степенью заполнения культурного слоя антропогенными остатками. Фауна сохранилась плохо, но она, по всей видимости, и изначально была немногочисленной на открытой части поселения. Для такого рода исследований Пушкари 1 являются удачным памятником по нескольким причинам. Культурный слой тонок (не более 10 см вне жилой западины), он не имеет следов значительного нару-

шения; два литологических горизонта определяют два уровня расчистки; основным заполнителем культурного слоя вне западины является расщепленный кремь, количество которого в некоторых случаях превышает тысячу на квадратный метр. Кремь являлся единственным надежным маркером поверхности поселения.

Графическая фиксация кремья была сделана по обоим горизонтам расчистки. Верхний, испытавший воздействие золотого перемещения песка, дал менее четкую картину. Кремь концентрировался в местах скоплений и между очагом и жилой западиной. Количество кремья заметно увеличивалось (более 100) вблизи от границ длинного жилища на раскопе II (П.И. Борисковского). Здесь же наметилась узкая полоска, связывающая непрерывностью значительного кремневого заполнения оба раскопа (участка поселения). Смысл этой связи пока не ясен, тем более, что микростратиграфия в обоих случаях различна. Культурный слой верхнего горизонта перекрывал все выделенные земляные объекты, но кремневое заполнение и степень окрашенности оказались в этих местах низкими (менее 50 кремней на кв. м.).

Нижний горизонт расчистки выявил все объекты, обрисовал пятна ям, очага, жилой западины, сделал четкими контуры их углесто-охристой окрашенности. Мощность этого горизонта не превышала 5 см, но даже здесь в нескольких случаях были определены разные уровни контуров ям. Схема количественного распределения кремья дала представление о плотно заполненном участке (более 50 кремней на кв. м), который объединил зону внешнего очага и жилое пространство (рис.3). Графическое изображение кремневого заполнения было сделано на основе компьютерной программы объемной графики. Ось X соответствует буквенному обозначению квадратов, ось Y - цифровому. Точка отсчета начиналась на пересечении этих осей, в юго-восточном углу интерполированного квадрата *б-1*. По оси Z отмечалось количество кремья из 7-ми дискретных групп. Для наглядной картины отношения скоплений кремья к основным объектам, число кремней в них (внешний очаг и жилая западина) было принято за наименьшую единицу - менее 10 предметов. На условной поверхности места заполненные кремнем от 100 и более единиц составили сложный рельеф. Он соединяет скопления возле жилой западины с внешним очагом узкой полосой шириной от 3-х до 4-х метров (рис.3, б, в). Сразу за внешними границами основных скоплений и объектов кремневое заполнение резко сокращалось, составляя не более 10 предметов на кв. м. Вместе с тем и пространство в 2.5 кв. м., примыкающее к западной границе жи-

лица, оказалось почти чистым от кремья. Он как бы "обтекал" эту небольшую площадку с севера и юга (рис.3, а). Не ставя перед собой задачу оценки всех особенностей распределения кремья, сделаем предположение, что "чистым" мог быть участок перед входом в жилище. Не противоречит гипотезе внешние и внутренние элементы жилого пространства. Здесь нет крупных ям со вкопанными костями. Обнаружен только череп крупного мамонта с сохранившимися зубами; он лежал на теменной поверхности у края западины. В целом, на полученной графической картине мы видим участок длиной не более 13 метров в направлении восток - запад и шириной 7-8 метров у его оконечностей с заметным сужением в центре. X-образная фигура связывает все объекты между собой самым "экономным" образом. Шурфы, заложенные с северной, восточной и западной сторон нашего раскопа V, дали единичные находки. Таким образом, граница поселения с этих сторон оказалась установленной достаточно точно. Количественная характеристика южной части раскопа кажется наиболее интересной, так как сюда заходит северная и северо-восточная оконечность другого участка поселения с трехчастным жилищем, раскопанным П.И. Борисковским в 1937-39 гг. Южная половина нашего раскопа по линиям квадратов *г-е - 1 10-5* имеет чрезвычайно слабую насыщенность кремнем, которая выражается на графической модели ровным или пониженным рельефом. Значительный подъем начинается только на крайних юго-западных квадратах *г, г, е - б-10*, куда заходит часть "кострища" из раскопа II, исследованного П.И. Борисковским наполовину.

На основе распределения всего кремневого материала можно сделать некоторые выводы.

1. Насыщенная кремнем линза культурного слоя образует замкнутое пространство, объединяющее все основные его объекты.

2. Новое поселение (или участок поселения) является самостоятельной площадкой размера не более 80 кв. м.

3. Принимая гипотезу соответствия степени насыщенности культурного слоя кремнем степени освоения жилого пространства, мы можем представить его как исходную, базовую, наименьшую единицу поселения. Эта "зона активной жизнедеятельности" человека является столь же определенной, как и жилище, но превосходит его разнообразием информации. Термин "le zone d'activit  de plaine aigre", применяемый для обозначения насыщенного пятна культурного слоя мадленских стоянок открытого типа, является близким и по сути, и по назва-

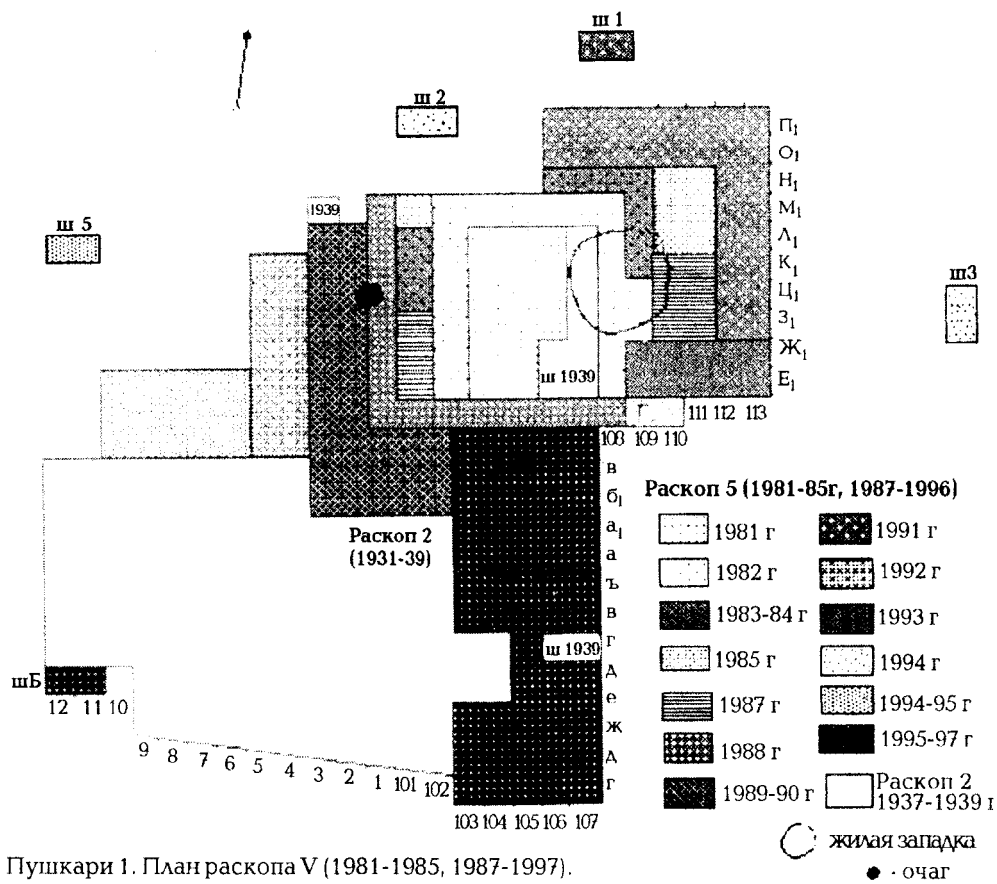

Рис. 1. Пушкари I. План раскопа V (1981-1985, 1987-1997).

Fig. 1. Pushkari I. Excavation plan V (1981-1985, 1987-1997).

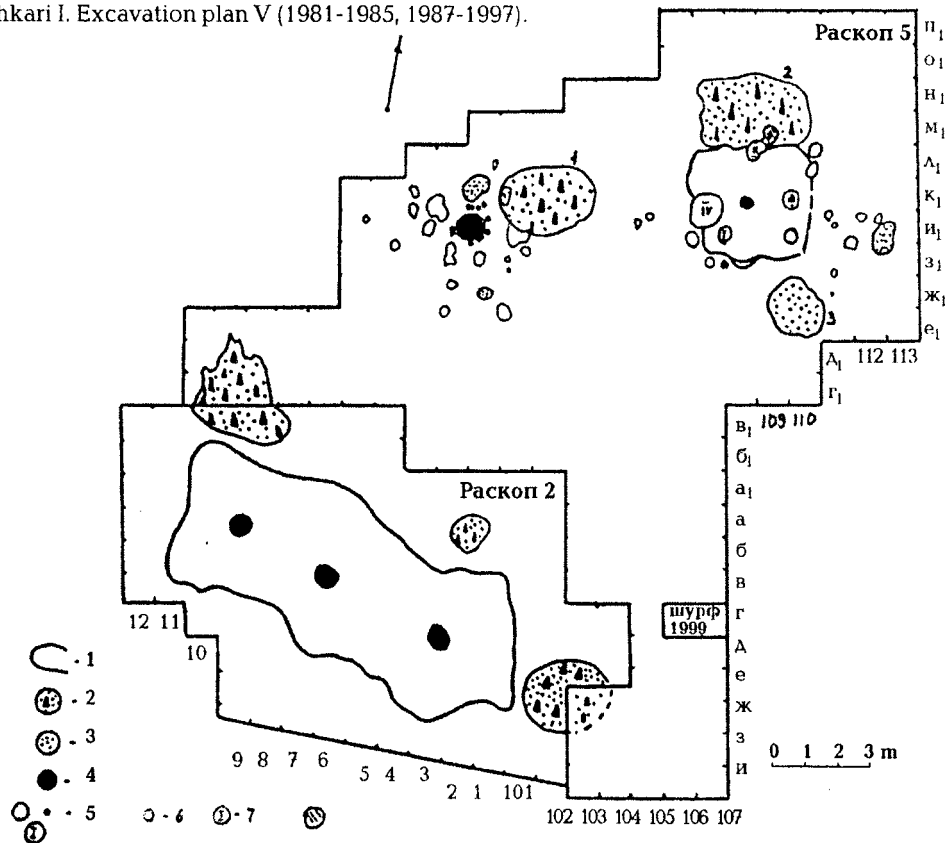

Рис. 2. Пушкари I. Схема основных объектов культурного слоя в раскопе V: 1 - контуры жилых западин, 2 - углисто-кремнистые скопления, 3 - скопления кремня, 4 - очаги, 5 - ямы.

Fig. 2. Pushkari I. Settlement structure of excavation V.

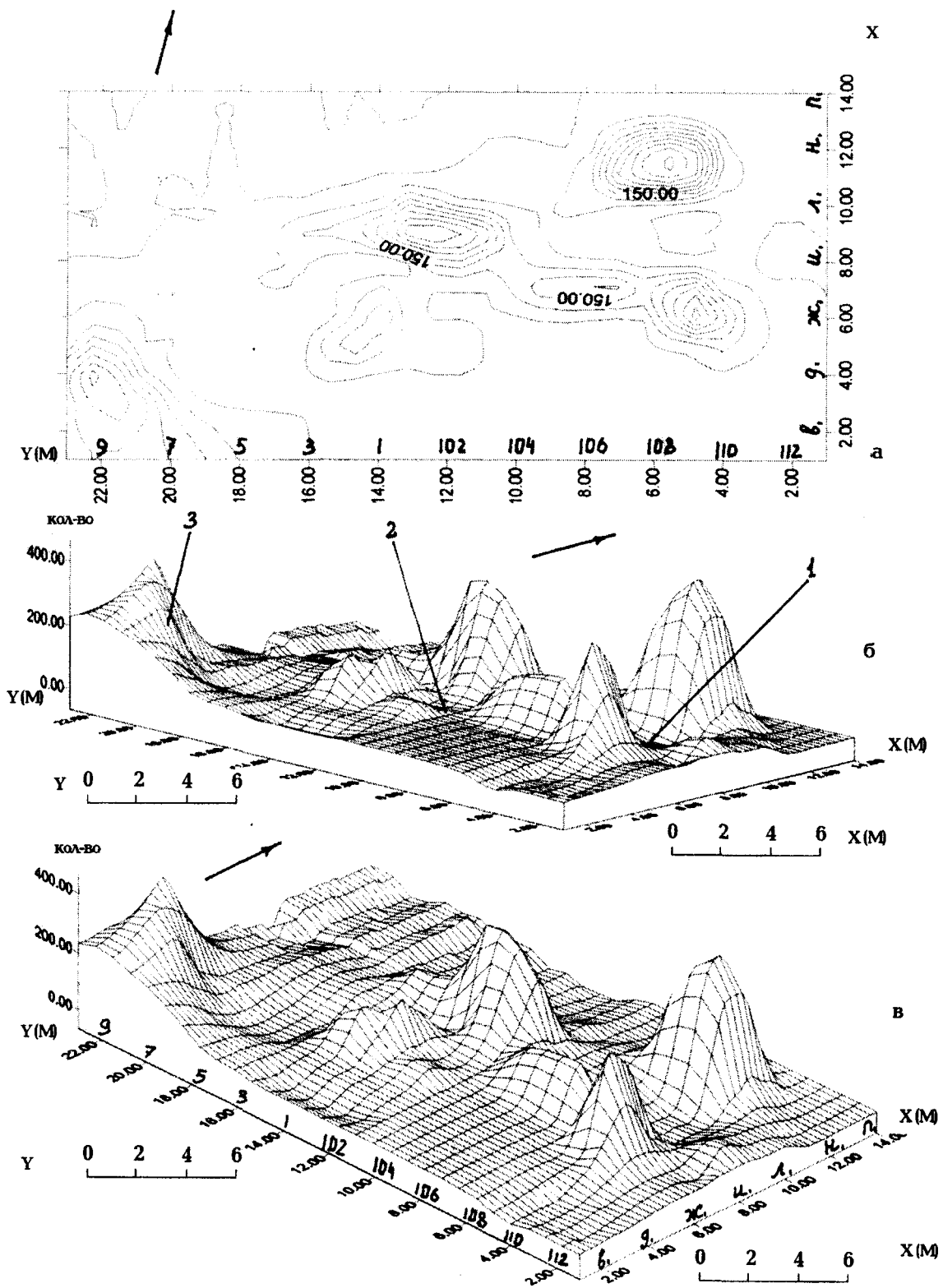

Рис. 3. Пушкари I. Графическое изображение количественного распределения кремния в нижнем горизонте культурного слоя: а - план в горизонталях; б, в - выражение того же плана в виде объемной модели.

Fig. 3. Pushkari I. Model of the lower settlement surface.

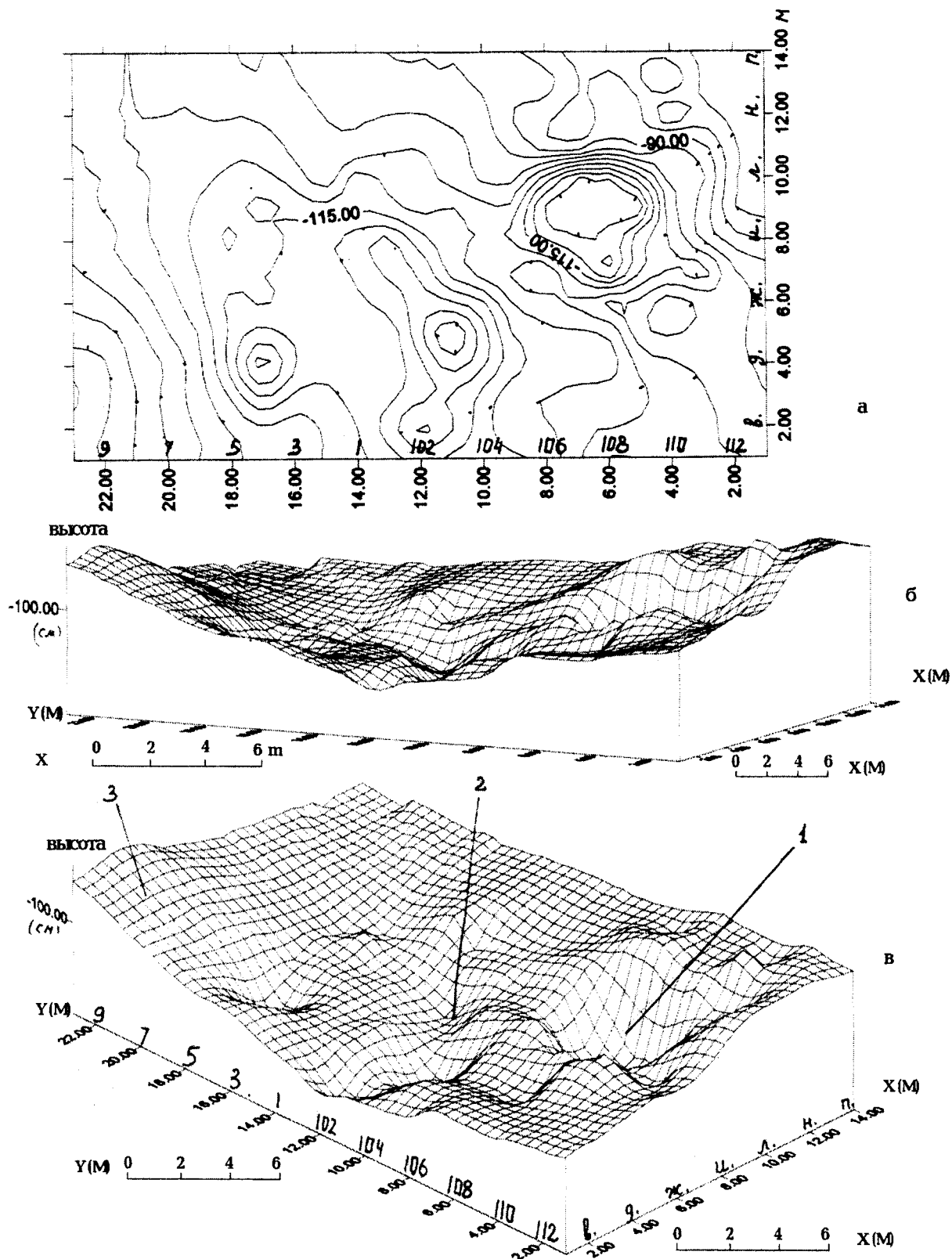

Рис. 4. Пушкари 1. Графическое изображение поверхности нижнего культурного слоя в разных ракурсах (б, в) и в виде инструментального плана (а).

Fig. 4. Pushkari I. Model of the lower settlement surface (variant).

нию [Audouze, 1982]. Заметим лишь, что в нашем представлении жилище входит в "зону активной жизнедеятельности" как одно из главных её составляющих.

4. Состав и насыщенность кремневого заполнения культурного слоя являются динамичной частью всей структуры поселения. Жилище, очаг представляют статичную основу, а кремнёвый "шлейф" между ними дает направление основного передвижения человека. Угристо-кремнистые скопления, т. н. "выбросы" располагаются в непосредственной близости от внешнего очага, от границ жилых западин и они занимают самую северную позицию во всех случаях. Близость выгребных углистых скоплений понятна: это не кострища, они не опасны для перекрытий жилищ. Однако отбросы кремня только слегка придерживали разлетающиеся, легкие частички угля и пепла. Однообразная северная или северо-восточная позиция "выброса" могла отражать обычное направление ветра, южного или юго-западного. Противоположную, самую южную позицию относительно всех других объектов поселения, очага, "выбросов", жилища, занимали скопления имеющие определенную технологическую характеристику. Это ямки составляющие полукруг возле внешнего очага. Они содержали отходы первичной обработки желваков [Паненкова, 1997, с.38-42]. Скопление нуклеусов и пластинчатых форм находилось за юго-восточной границей жилой западины. Закономерности в композиции поселения являются проявлениями культурной традиции и могут служить основанием для реконструкций других участков поселений в Пушкарях I.

Связь поселения с особенностями древнего рельефа определилась уже в первые годы полевых работ. Нивелировка, разнообразные бровки и чертежи профилей не давали, однако, общего представления о вскрытой поверхности. Компьютерная программа трехмерного изображения позволила воспроизвести поверхность, вскрытую раскопом, по нивелировочным отметкам (рис.4). Эти отметки взяты на уровне нижнего горизонта культурного слоя, по одному значению на квадрат. Таким образом, поверхность дана обобщенно, без проработки отдельных элементов.

Поселение находилось в небольшой ложбинке, которая опускалась к северо-западному углу раскопа II. Внешний очаг и жилище были расположены на противоположных её краях. Таким образом, малые размеры поселения соответствовали уплощенной части ложбинки. Малое жилище примыкало к восточному склону, который поднимался на 40 см выше поверхности основной части поселения. Вероятно, по-

этому глубина жилой западины была разной: у высокого восточного склона - около 30 см, у западного края - всего 10 см. Рядом с длинным жилищем, на кв. г-е — 10-Ж начинался значительный подъем рельефа, составивший не менее полуметра на протяжении 5-6 метров. Судя по работам в юго-восточной оконечности раскопа V, также высоко, возле заметного склона находилась и восточная, торцовая часть окрестностей длинного жилища. Полевые работы по этой части поселения не завершены, но общее его положение в рельефе уже угадывается. Площадка, на которой находилось трехчастное жилище, возвышалась не менее чем на метр - полметра над ложбинкой. Северная и восточная часть площадки представляла собой небольшой выступ, на склонах которого располагались "кострища". Северное кострище, доисследованное нами, представляет собой типичный "выброс". Тем же "выбросом", скорее всего, было и восточное "кострище" (исследуется в настоящее время). Оба скопления, как мы знаем, находились у самых границ жилой западины, на крутом склоне. Северное и восточное положение скоплений относительно жилища повторяет их позицию на малом поселении. Если композиции поселений традиционны, то можно предположить, что к югу от жилища должны находиться все другие элементы "активной зоны" поселения - внешний очаг, рабочие площадки и т.д. Именно в этом направлении, по утверждению П.И. Борисковского, резко увеличилось количество кремня [Борисковский, 1953, с.196].

Раскопки всей "активной зоны" большого жилища позволят снова обратиться к его реконструкции. Критика трехчастного длинного жилища появилась сразу же после его публикации и была поддержана украинскими археологами в 50-60 годы [Воеводский, 1952; Бибииков, 1959; Шовкопляс, 1965]. Рассуждения общего характера тогда не имели документальной поддержки. Необходимый документальный материал дают только новые исследования активной зоны поселения.

Уже сейчас легко предположить существование нескольких входов (двух или трех) по числу "выбросов". Очажная линия жилища может соответствовать как единому объему, так и постоянному направлению ветра, южного и юго-западного (судя по расположению "выбросов"). Овальное "малое" жилище нового поселения может быть понято и как единственно возможное, и как самостоятельный элемент сложной конструкции. Не надо забывать, что П.И. Борисковский всегда подчеркивал камерность жилища, самостоятельность трех частей под общей крышей. Очевидная двойственность такого утверждения объяснима не только археологичес-

кими доводами. Она связывала наблюдения полевого археолога, работавшего под руководством М.В. Воеводского, с теоретическими представлениями школы П.П. Ефименко.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Беляева В.И.** Особенности очага как элемента поселения на верхнепалеолитической стоянке Пушкари 1 // Проблемы древней и средневековой археологии Украины. Харьков, 1996.

2. **Беляева В.И.** Исследования нового участка поселения на палеолитической стоянке Пушкари 1 // Пушкаревский сборник. По материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари 1. Вып. 1. СПб, 1997.

3. **Бибиков С.Н.** Опыт палеоэкономического моделирования в археологии // Тез. Докл. Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г. Кишинев, 1966.

4. **Бибиков С.Н.** П.П.Ефименко, "Костенки 1" (рецензия) // СА, №4., 1959.

5. **Борисковский П.И.** Пушкаревское палеолитическое жилище // КСИИМК, вып. II, 1940.

6. **Борисковский П.И.** Палеолит Украины // МИА 40, 1953.

7. **Борисковский П.И.** Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // СА, №1, 1958.

8. **Воеводский М.И.** О методике раскопок открытых палеолитических стоянок // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 7, 1948.

9. **Воеводский М.В.** К вопросу о Пушкаревском палеолитическом жилище (стоянка "Пасека") // Ископаемый человек и его культура. Ученые записки МГУ, вып. 158, 1952.

10. **Гладких М.И.** Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднепалеолитических памятников // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977.

11. **Григорьев Г.П.** Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.

12. **Ефименко П.П.** Костенки 1. М.-Л., 1958.

13. **Моисеев В.Г.** Опыт статистической обработки элементов культурного слоя // Пушкаревский сборник. По материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари 1, выпуск 1. СПб, 1997.

14. **Паненкова И.В.** Внешний очаг нового участка стоянки Пушкари 1 и связанные с ним объекты // Пушкаревский сборник. По материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари 1, выпуск 1. СПб, 1997.

15. **Пидопличко И.Г.** Межиричское жилище из костей мамонта. Киев, 1969.

16. **Пидопличко И.Г.** Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1976.

17. **Рогачев А.Н.** Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе. М., 1964.

18. **Рогачев А.Н.** Палеолитические жилища и поселения // МИА 166, 1970.

19. **Соффер О.А.** Экономика верхнего палеолита: продолжительность заселения стоянок на Русской равнине // РА, №3, 1993.

20. **Шовкопляс И.Г.** Мезинская стоянка. Киев, 1965.

21. **Шовкопляс И.Г.** Добраничевская стоянка на Киевщине (некоторые итоги исследования) // МИА №185, 1972.

22. **Audouze F., Cahen D.** Décryptage d'un Habitat Magdalénien de Plein Air // Les habitats du Paléolithique supérieur, Roanne-Villerest, 1982, 2:210-220. **Audouze F.** The Paris basin in Magdalenian times // The Pleistocene Old World. Regional perspectives. N.Y.: Plenum Press. 1987.

23. **Hahn. J.** Aurignacian and Gravettian Settlement Patterns in Central Europe // The Pleistocene Old World. N.Y.: Plenum Press. 1987.

24. **Oliva M.** Aurignacien na Morave // Studie Muzea Kromerizska. 87. Brno. 1987. S.5-128.

Статья поступила в редакцию в апреле 1999г.